

1 2006
582к

Дмитрий Снегин

В ТЕ ДНИ И ВСЕГДА

60 лет Победы
Ұлы Отан
з великой
согзысы
Ұлттық жеңісіне
арнап
60 жыл

821.161.1-31 (574)
ББК 84Р7-4

С 531

Выпущено по заказу Комитета информации
и архивов Министерства культуры,
информации и спорта
Республики Казахстан.

Составитель сборника - В.К. Ермаченков

Снегин Д.Ф.
С 53 В те дни и всегда. Повести. - Алматы: «Санат», 2005.
- 432 стр.

ISBN 9965-664-25-0

Книга писателя, офицера гвардейской Панфиловской дивизии, лауреата Президентской премии Мира и духовного согласия Дмитрия Федоровича Снегина повествует о Великой Отечественной войне.

Речь идет о героической обороне Брестской крепости, об ожесточенных боях под Москвой, об агонии фашистского рейха в Берлине.

Благодаря ярким и самобытным персонажам: генералу И.В. Панфилову, Герою Советского Союза Илье Съянову, Владимиру Фурсову и многим другим, мы ощущаем себя очевидцами всемирной борьбы с гитлеровскими захватчиками во имя свободы народов, справедливости и общечеловеческих ценностей.

С 4702010201-05 9-05
416(05)-05

ББК 84 Р7-4

ISBN 9965-664-25-0

© Снегин Д. -1979, 2005

© ТОО «Издательство «Санат», 2005

А 2006/582 к

Дмитрий Снегин

В ТЕ ДНИ И ВСЕГДА

60 лет Победы
Улы Отан
в Великой
согасы
Отчественной
Жеңісіне
воіне
60 жыл

“Санат” баспасы
Алматы 2005

В ТЕ ДНИ И ВСЕГДА

Непридуманные рассказы о том, что трудно себе представить

Часть первая

ВО ИМЯ СЛАВЫ И ДОБРА

БРАТЦЫ, ВОЙНА!

Его разбудил грохот. Грохот катился по казарме – рваный, косматый и непонятный; бился о потолок, о стены, безобразя их глубокими ветвистыми трещинами. Неслышно осыпалась штукатурка; металась в исподнем красноармейцы, похожие на призраков; высоко, под самым потолком, раскачивалась на тонком шнуре погасшая лампочка.

Красноармейцы, будто ослепнув скоротечно, натыкались на Фурсова и едва не опрокинули его. Он встал на нары в одних трусах, рыжий и монументальный, как изваяние. Огляделся. В окно пялился июньский рассвет. В казарме – сутолока, галдеж, пыль. Он досадливо подумал: “Сплю я или не сплю?”

Грохот внезапно прекратился. Замерли и перестали галдеть бойцы. Стало слышно, как осыпается штукатурка. Чей-то, лишенный смысла и правдоподобия голос оглушил:

– Бра-а-а-тцы, война!

– “Спятил он, что ли?” – рассердился Владимир и крикнул:

– Заткнись! Землетрясение это.

В тех местах, где он родился и жил, землетрясения случались часто.

Он хотел погасить панику. Но ослепительная вспышка и грохот сильнее прежнего ворвались в казарму. Качнулись стены, качнулся потолок, вылетели стекла из окна, качнулись и расплзлись нары. Фурсова опрокинуло на пол. Не успел он подняться, как кто-то навалился на него, и на своих руках

Владимир ощутил что-то липкое, теплое. Кровь. "Кровь!", – хотел он закричать. "Кровь!" – позвать на помощь. И не успел: перед ним внезапно вырос старшина Кипкеев. При всех ремнях и регалиях. Парадная гимнастерка туго перехвачена командирским ремнем.

Старшина укоризненно поцокал языком:

– Эй, каштановый, это война.

"А мы почти все карабины сдали на склад боепитания", – ужаснулся Фурсов. Он и сам вдруг понял, ощутил всеми порами всего тела – война. И первый раз за всю службу посягнул на авторитет командира полка Дулькейта: "Сказал, что взамен карабинов получим автоматы. И не успели... остались без оружия".

– Он не имел права! Он должен был знать! – вырвалось у Фурсова помимо воли, и он не устрасился своего протеста против поступка Дулькейта, потому что все то, что творилось сейчас в казарме, казалось ему дурным сном.

Кипкеев резанул его острым взглядом.

– Отставить разговорчики... Бери ездовых и марш на конюшню! Я с огневиками – в артпарк. Одна нога здесь, другая там. Минометы к бою, понял?

– Есть! – подтянулся Фурсов.

От сердитых слов старшины все стало на место. Не как было вчера и час назад, а как оно должно быть, когда война. И, подражая командиру батареи, Фурсов буднично крикнул:

– Тревога! Минометчики, разобрать учебные винтовки и за мной!

Казарма на мгновение замерла. Потом красноармейцы начали сноровисто, как учили командиры, натягивать обмундирование. Оделся и Владимир. Лишь сапог не нашел на положенном месте. Кто-то в суматохе обул их. "Босиком не навоюешь", – резонно решил он, побежал в каптерку, – там всегда валялось много обуви, предназначенной к ремонту. Чьи-то ботинки пришлись впору, и, неумело обмотав толстые икры черными обмотками, он ринулся из казармы. Вырваться наружу, казалось ему, все равно, что вырваться из войны.

Он увидел высвеченный багровыми всполохами крепостной вал, за ним – рассветное небо. Оттуда, сквозь грохот и гарь доносился едва внятный запах отцветающих каштанов. Невдалеке что-то грохнуло. Он покачнулся. Покачнулось старинное трехэтажное здание из красного кирпича, где штаб полка, где полковая школа, где гауптвахта, заслонив ему горизонт. Но Фурсов упрямо глядел на запад. Вокруг все горело: кирпичное здание и курсанты, которые выпрыгивали из горя-

щих окон второго этажа; горела земля, и горело небо. В небе кружились меченые черными крестами бомбардировщики и сорили, сорили бомбами, какими-то свистящими смертным свистом боронами, громяющими бочками с зажигательной смесью. Горело все, что может и не может гореть.

– Гады... гады! – закричал он, грозя небу кулаком, и этот крик вернул ему самообладание.

Он увидел мечущихся на плацу бойцов, услышал свист и разрывы бомб, ощутил, как жарко горело здание штаба полка. Понял, не от одного огня светло. Рассвело в природе. И еще он понял, гитлеровцы развязали войну и надо им отвечать на силу силой, на огонь огнем. Мысль заработала четко, ясно. “Собрать батарейцев – и на конюшню. Потом вывезти минометы и поставить на место, согласно боевому предписанию. А-а, хотя бы один командир объявился!”

– Ребята!.. Ездовые на конюшню! – позвал он, призывно махая руками, чтобы его увидели те, кто не услышит.

Владимиру казалось, что он непростительно нарушил приказ старшины, задержавшись здесь, у горящего штаба, целую вечность. На самом деле с тех пор, как он выскочил из казармы, прошли считанные минуты. Но успел он в эти минуты пережить столько и такое, что не вместится в иные годы.

Вокруг него сгрудились красноармейцы. Их лица, их глаза говорили: “Мы готовы, приказывай, что делать”. Внезапно, откуда-то из горячей мглы, донесся призыв:

– Минбатарей, немцы рвутся к конюшне! За мной!

Фурсов сразу узнал лейтенанта Полторакова. И обрадовался: вот он, командир, боевой, из кубанских казаков. Лейтенант бежал сквозь огонь и разрывы с шашкой наголо. Без фуражки, всклокочен и подпален. Блестят зубы, мерцают белки глаз... Таким он запомнился в стремительном беге, без фуражки, с шашкой наголо, потому что взрывной волной, сухой и горячей, Владимира сшибло с ног. Когда он очнулся, то увидел рядом с собой красноармейца Никиту Соколова, чуть поодаль лежал лейтенант *Полтораков*.^{*} Тонкий, длинный, с широко раскинутыми руками, будто хотел он в свой смертный час прикрыть всю крепость. В правой руке – обнаженный клинок.

“Почему я упал, я же не ранен? Э, растяпа!” – ругнул себя Фурсов и вскочил, отряхавшись от комьев земли, от пыли, от щепы. Соколов слабо застонал. Владимир помог другу подняться и увидел: тот ранен в руку. Наспех перевязал рану. По-

^{*} Лейтенант Полтораков тогда был тяжело ранен. В книге «Героическая оборона», выпущенной в свет музеем обороны Брестской крепости, говорится: «Старший лейтенант Ф. А. Полтораков умер от ран 17 сентября 1942 г.»

том высвободил из еще теплой руки лейтенанта клинок, дал Никите.

– Ну, как, легче? Шагай!

Соколов не двинулся. Он смотрел в небо печальным взглядом.

Поднял голову и Владимир. Он увидел белое, в розовых бликах небо, и в нем – в легком свободном парении – какие-то пестрые листки. Листки падали к их ногам. Это были чьи-то фотографии.

– Болдырев любил собирать, – сказал Никита и снял пилотку. – Надо подобрать. Ты иди, командуй, я догоню.

“Произошло то, что не зависело от моей воли и что выше моих сил. Но оно противоестественно и враждебно всему живому, разумному, и я должен бороться до последнего дыхания, так, как это сделали красноармеец Болдырев и лейтенант Полтораков. Никто не посмеет упрекнуть их за то, что они умерли, не совершив подвига, они сделали первый шаг к победе, а это больше подвига”, – думал Фурсов, обгоняя минометчиков и оставаясь мыслью там, где, как он решил, погибли лейтенант Полтораков и боец Болдырев, а сам зорко смотрел по сторонам. Утро расцвело и дали раздвинулись; ощущение, что ты в мешке, что все пропало, исчезло.

По берегу Буга спешили красноармейцы. Много красноармейцев. За их плечами сверкали штыки. Фурсов облегченно вздохнул.

– Гляди! – махнул он в сторону костела, – наша пехота. Порядок. – И, ко всему готовый, повел свой маленький отряд на защиту конюшни.

Опоздал. Конюшни не было. Не было ни коней, ни амуниции. Дымились, догорая, развалины. Под рухнувшей балкой лежал дневальный Аргамасов. Он еще дышал. Попросил:

– Пристрелите меня.

– Что ты?! – отпрянул Фурсов.

Был Аргамасов никчемным бойцом. Враль, каких свет не видывал. Симулянт и спекулянт. Менял, продавал, сбывал махорку, сахар, часы. Комсorghу минометной батареи Фурсову не раз попадало за нерадивого бойца. А теперь он стоит и смотрит на Аргамасова, как на героя, принявшего гибель на боевом посту. Владимир напрягся изо всех сил, поднял стопудовую балку, минометчики осторожно вынесли Аргамасова. Он лежал с закрытыми глазами, серым лицом и посиневшими губами. Собрав последние силы, прошептал:

– Они... за трансформаторной будкой...

Что гитлеровцы рядом, возле конюшни, где все родное,

– и кони, и шибаящий в нос едкий запах кожаных седел; что они убили коней, сожгли амуницию и, главное, отняли жизнь у доставлявшего Фурсову уйму хлопот, но бесконечно родного ему Аргамасова, – оскорбило Владимира до глубины души. Не помня себя, он схватил подвернувшийся под руку швеллер, закричал, задыхаясь:

– Братва, в штыки!!! Бей, круши гадов!... – и устремился к трансформаторной будке.

Враги, словно устранившись, побежали под защиту крепостного вала. Фурсов заметил офицера. Здоровенного и рыжего, как сам. Влился взглядом в его потный затылок. Расстояние между ними стало быстро сокращаться. Офицер услышал мстительное, тяжелое, прерывистое дыхание своего преследователя. В то самое мгновение, когда Фурсов занес швеллер для смертельного удара, он метнулся в сторону, сбив Владимира подножкой. Рухнув на землю, он сразу же вскочил. И получил по зубам прикладом. Снова упал. Офицер навалился на него, сильные пальцы капканом сомкнулись вокруг шеи. “Нет, это не конец”, – Фурсов выплюнул сукровицу и, согнув ногу, надавил толстой коленкой под солнечное сплетение врага. Тот взвыл от боли, но пальцы не разомкнул.

Желтая тень упала на борющихся, и Владимир увидел Никиту Соколова с обнаженной шашкой в руке. Никита зажмурился и с силой рубанул по шее офицера. Хлынула кровь... Владимир спихнул с себя обмякшее тело врага, вскочил на ноги, огляделся. Красноармейцы бились в рукопашную, пустив в ход винтовки с примкнутыми штыками.

– В артпарк, к минометам! – позвал Фурсов. – Выкатим минометы на руках...

Вид у него был страшный – весь в крови, в ранах, в осадинах. Но голос уверенный, вселяющий надежду. За ним побежали. Артпарк стоял целехонек. Владимир в недоумении остановился: все горело, грохотало, взрывалось, а здесь затаилась предательская тишина. “Что за чертовщина?” – встревожился он. И обрадовался: раз уцелел артпарк, то целы и минометы. Но где же свои? И где старшина Кипкеев, где заряжающие?

Им наперерез, от складов боепитания, вымахнул красноармеец Иван Арискин. Предупреждая беду, закричал:

– Назад... там засада!

“Лейтенант Полтораков предупреждал...а мы не успели: враги захватили артпарк”, – корил себя Фурсов, не в силах остановиться, не в силах повернуть назад. За спиной, он это

еще услышал, грохнул разрыв. И все кончилось для него. Второй раз за это воскресное утро.

– В боепитание, в боепитание! – кричал Иван Арискин, и все побежали туда, помогая бежать раненым.

Соколов и Нури Сыдыков волоком тащили Фурсова – по колючему песку, по острому гравию, словно терли его об терку. Здоровенного, крепко сбитого, тяжелого. На счастье, позади артпарка вспыхнула перестрелка, и, отвлеченные ею, немцы прекратили преследовать их.

НУРИ СЫДЫКОВ

Владимир Фурсов пришел в себя, почувствовав нестерпимое жжение на спине, на правом боку. Открыл глаза и увидел причудливую картину: в проходах, образованных цинковыми коробками с патронами и ящиками с минами, стояли, сидели, лежали красноармейцы. Но на кого они были похожи! В кровоподтеках и ссадинах, на иных – в клочья разорваны гимнастерки, у других напрочь оборваны галифе. третьих, будто вывалили в извести. Лишь один Нури Сыдыков был чист и опрятен. Даже пилотка, чуть сдвинутая на правый висок, как того требовал устав, украшала голову.

Фурсов не удивился: Нури – фантазер. Мечтает изобрести такие машины, которые будут ходить, летать, работать сами по приказанию человека. Он часто развивает свою мысль и на политзанятиях, и в спорах со старшиной Кипкеевым. Старшина сердится:

– Автомобиль на перекрестке сам будет милиционера слушаться и заворачивать туда, куда он ему покажет палочкой?!

– Будет! – отвечает Нури.

– И танк без водителя и стрелка ползет на врага?!

– Ползет!

Терпение у Кипкеева лопается: “У вас, товарищ Сыдыков, мозги набекрень, а потому отставить вредные разговорчики!”

В таких случаях Фурсов обычно брал сторону Нури. Воображение, которым он обладал с детства, позволяло ему наделять фантастику друга реальными чертами и верить в нее. В ответ Сыдыков платил ему привязанностью, делился новыми замыслами... Но все это было так давно – сто, тысячу лет назад! Сейчас Нури перевязывает раненых, в мирное время он был отличником санподготовки. Его сухие смуглые

пальцы проворно и умело накладывают на раны розоватую марлю индивидуальных пакетов. Но лицо его осунулось, родинка на верхней губе подрагивает от напряжения. "Он страдает страданием раненых товарищей, – проносится в голове у Фурсова. – Раненые безропотно подчиняются ему... Раненые ...Постой, постой, да как же это ? И как могло произойти такое?"

Фурсов, должно быть, закричал, недоумевая и протестуя, потому что все оглянулись. А Нури подошел к нему, спросил:

– Что будем делать? Ты – замполит, отвечай!

Чистый голос Нури и смысл, заключенный в его словах, прояснили сознание. Так чистая струя воды смывает со стекла мутный налет, и стекло становится прозрачным, и взору открывается мир в привычном естественном очертании. Не-что схожее произошло с сознанием Фурсова, и он увидел и понял все, как оно было. Да, надо что-то делать. И немедленно, потому что война, рядом враги, и неизвестно, как могут обернуться события. Он поднялся. "Главное, не суетится, ни одного опрометчивого слова и никакой растерянности...". На него смотрели со смешанным чувством: удивления и надежды. В рваном обмундировании, в ссадинах и в крови, со вздутой правой щекой, он казался неправдоподобно большим и рыжим. Только треугольники на петлицах гимнастерки оставались прежними, и все невольно смотрели на них. Владимир шагнул к штабелям оружия, густо смазанного заводской смазкой, сказал:

– Будем вооружаться. Продержимся, пока подмога подоспеет. – И взял какую-то штукину в жирном бумажном чехле. – Да это же автомат! А вот и винтовки... Запасайся, братва, патронами!

Его окликнул Нури:

– Прикажи кому-нибудь принести воды: люди пить хотят.

"И чего это он затосковал ? Все теперь пойдет, как надо", – подумал Фурсов. И хотел сказать, что будет ему и вода, и лекарства, но тут в дверях появился Иван Арискин. Лицо выпачкано известкой, отчего под глазами обозначились тонкие морщинки. Когда он исчез с склада и куда бегал – никто не заметил, никто не знал. За вертким, сухощавым парнем давно утвердилась одобрительная кличка "Вездесущ". Иван запарился от бега, грудь его ходуном ходила под расстегнутой гимнастеркой. Он закричал:

– Фашисты насаждают на северо-западные ворота! Песочников подмоги просит.

"Он же на гауптвахте", – вспомнил Фурсов. И тут же

вспомнил: война. А на войне и не такое случается. Главное, не одни они в крепости.

– За мной! – бросил он команду. – Защитим северо-западные ворота!

– Я – следом. Перевяжу раненых – и прибегу. – Нури помолчал и добавил: – Про воду не забудь.

Фурсов обнял друга. Они постояли, затаив дыхание, чувствуя биение своих сердец. И расстались. Чтобы больше никогда не встретится.

МЫ ПРОРВЕМСЯ

Санинструктор Саша Песочников сидел на гауптвахте. За самовольную отлучку в город. Здесь его застала война. Когда грохнуло, закачалось, запылало, он выскочил в окно. Собрал бегавших по двору бойцов в команду, велел вооружиться, кто чем может, и привел к северо-западным воротам. Просто так: надо было кому-то командовать. Бойцы залегли в подворотне, окопались. Была бы указана цель, а как ее достичь, красноармейцы, пораскинув умом, сами решат. Ручному пулеметчику Аскенадзе он приказал:

– Будешь осаживать немцев, когда попрут к воротам. Короткими очередями: патроны беречь надо.

Впрочем, до пулемета очередь еще не дошла. Винтовочным огнем стрелки держали врагов на почтительном расстоянии. Не сразу Песочников узнал в рыжем детине своего друга замполита Фурсова, который, тяжело дыша, остановился в подворотне с горсткой минометчиков. А узнав, улыбнулся:

– Подмогу привел?

– Ага...как тут?

– Держимся! – Саша Песочников улыбался, возбужденно жестикулировал. Он блестел черными глазами, весело оглядывал Фурсова. – Переоделся бы, на пугало походишь.

Бравада была к лицу, но не к месту, и Саша пристально всматривался туда, где высвеченный лучами восходящего солнца горбатился деревянный мостик, перекинутый через опоясывавший крепостной вал и заполненный водой ров. Со стороны кладбища, к мосту, отбрасывая впереди себя длинные тени, подбирались гитлеровцы.

– Перебежку делают, гады! – забеспокоился Песочников. И приказал Аскенадзе: – Врежь-ка по ним! – И приоткрыл ворота.

Аскенадзе, смуглый, длинношей, прильнул к пулемету.

Хищно обозначился его горбоносый профиль. Его гладко выбритая иссиня-темная щека нервно дергалась. Приняв положение для стрельбы лежа, расчетливо и метко послал две очереди в осмелевших было вражеских автоматчиков.

Фашисты закричали, загалдели, бросились врассыпную.

– Не нравится, – сказал Песочников и глянул на Фурсова.
– Будем бить их смертным боем!

Фурсов едва ли услышал санинструктора. Внезапно и яростно накатился на ворота гром разрывающихся снарядов, мин, авиабомб. В том многоголосом реве потонули трескотня автоматов, одиночные хлопки винтовок, и Владимир подумал: не их одних война застала врасплох, и не они одни бьются с фашистами там, где их застала война, бьются до последнего патрона... До последнего патрона – это так, по привычке. Где он, этот последний? Не будет его. Вот-вот подоспеют на подмогу части, расквартированные в городе Бресте, и вместе они турнут фашистов – те костей не соберут. И еще он подумал: как только спокойнее станет у северо-западных ворот и в округе, он прежде самых неотложных дел отнесет воду Нури Сыдыкову и поможет переправить раненых в госпиталь.

С этими думами он положил своих минометчиков на боевой рубеж и, сказав Песочникову: "Командуй", лег сам и уже привычно, будто всю жизнь лишь и занимался тем, что убивал людей, расчетливо подпускал врага на верный выстрел, брал на мушку и убивал, не испытывая ни угрызений совести, ни жалости, как если бы колол дрова или копал в огороде грядку.

– Кто тут за старшего? – услышал он чей-то голос.

К нему, лавируя среди разрывов, подполз знакомый шофер пулеметно-зенитной установки коренастый крепыш Петро Карболин. Был он сумрачен, решительная складка легла меж густых темных бровей. Сухо поздоровался.

– Мы на порыв. Свяжемся с основными силами. И тогда отбросим гадов от крепости. – Помолчал. – Услышишь, сигнальщик начну, быстро распахни ворота. Проскочим – захлопнешь.

"И я с ними!" – с тоской подумал Фурсов, но не сказал ни слова.

Петро Карболин козырнул и, пригибаясь, побежал к своим.

По взглядам, которыми его проводили бойцы, Владимир догадался: многие согласны с зенитчиками – на порыв, и будут прыгать на подножки автомашины, когда зенитная

установка пойдет через ворота. И сам он мысленно примерился, как он это сделает. Стремительный рывок впереди машины, потом – бросок на подножку и ухватится за борт, за стволы счетверенных пулеметов, хоть за что – лишь бы ухватиться! И – на прорыв. Песочников как будто разгадал его мысли, посмотрел пытливо. Фурсов попытался заставить себя не думать о зенитчиках, но обостренным слухом ловил все звуки, стараясь выделить из них звук автомобильной сирены и держа тело напряженным, готовым для кошачьего броска. Время шло, а зенитчики не сигналили. Полезли фашисты. По ним стреляли, а они лезли. Фурсов не торопился стрелять, выбирая самых нахальных. Поднялось и начало припекать солнце. Разбитые губы запеклись, мучила жажда. Он оглянулся в надежде увидеть у кого-нибудь флягу и что было силы прыгнул в сторону, потому что через открытие кем-то ворота промчалась машина. Мимо него – взвинченный рев мотора, грохот и пламя из пулеметов, сваленных для стрельбы по наземным целям. За рулем Петр Карболин – сумрачный, решительный. Карболин не прильнул к баранке, а откинулся назад, как будто хотел видеть далеко-далеко. И еще заметил Фурсов, что два-три бойца, изловчившись, прыгнули в машину.

Автоматчики решили, должно быть, что их атакует броневик, и заметались возле моста, ища укрытия. Карболин опрокидывал и давил их колесами своего грузовика. Вражеские артиллеристы открыли беспорядочный огонь. Шальные осколки ранили бойцов, побили баллоны, а зенитная установка все мчалась и мчалась, изрыгая из пулеметов губительной огонь, сквозь блокаду, пока гряда догоравших каштанов не скрыла ее от взоров тех, кто остался защищать северо-западные ворота Брестской крепости.

“Прорвались”, – ликовал и тосковал Фурсов, стоя посредине распахнутых ворот. Саша Песочников тронул его за плечо, отвел в сторону.

– Закрыть ворота! – приказал он. И Фурсову: – Кому-то надо крепость защищать, пока подойдут основные силы.

Владимир не услышал его. Он был с Петром Карболиным – на неуязвимой и крылатой, как чапаевская тачанка, машине, он летел навстречу главным силам Красной Армии сказать, что крепость не сдалась, что крепость сражается, но ей нужна помощь. Он слышал свой голос и голос генерала, который, приняв его доклад, расспрашивал о подробностях сражения. Ему было приятно оттого, что генерал так подробно расспрашивал его обо всем и еще потому, что этот

генерал как две капли воды походил на друга детства – Володю Короленко... Запах гари и каштанов вернул его к действительности, и Фурсов увидел, где он. Вздохнул и сказал:

– Прорвались.

Красноармейцы, словно ждали этого слова, зашумели.

– Лихо они...

– Кому надо, доложат...

– И гробанем же тогда!...

Саша Песочников нахмурился и упрямо повторил:

– Нам крепость защищать! Не тогда – сейчас. – И уже не попросил, а приказал Фурсову: – Переоденься, не к лицу такой вид замполиту.

“А во что переодеться? – с тоской подумал Владимир. И рассердился: – Ему надо, чтобы я с убитого красноармейца снял обмундирование? Тоже нашелся “главнокомандующий”. Но почистил и привел в порядок гимнастерку, потуже затянул ремень.

ИВА

После того, как Петр *Карболин** промчался на своей зенитной установке по горбатому мосту, немцы там не появлялись. Но Фурсов заметил какое-то движение вдоль оврага, сказал об этом Песочникову. “Они ищут лазейку, чтобы прошмыгнуть к нам в тыл и ударить в спину”, – догадался Саша. – Надо иметь своих наблюдателей на валу. – И приказал двум бойцам подняться на вал и оттуда подавать сигналы – как и что.

Фурсов объяснил:

– Если фашисты подкрадутся, мы окажемся в мышеловке. Тогда – крышка.

На валу плясали огненные разрывы снарядов и мин. Немцы понимали, какая это удобная позиция для защитников крепости, и держали вал под непрерывным огнем. Туда ушли бойцы. Те, кто остался у ворот, ждали от них условленного сигнала. Смотрели до рези в глазах. Не дождались, не увидели. Песочников послал еще двоих. Наказал:

– Разведайте и возвращайтесь. Если тех ранило, помогите им.

**Вырвавшись из Брестской крепости, П.Карболин и его товарищи пробились сквозь вражеский заслон к своим в расположение стрелкового полка. С этим полком отважный водитель зенитной установки прошел славный боевой путь. Был много раз контужен и ранен. Но выжил, победил. Сейчас Петр Карболин живет в Алма-Ате. Много лет работал шофером в первом таксомоторном парке.*

Фурсов глянул на него, сказал взглядом: "Я пойду с ними". И так же взглядом ответил Саша: "Нет... твой черед впереди".

Бойцы ушли. И не вернулись. Атаки на ворота не повторялись. Чутье подсказывало Песочникову: враги нащупали более удобное место для броска. Но где? И когда начнут приступ?

– Пошли на вал. Там мы подержимся до прихода своих, а тут... – Саша Песочников махнул рукой.

Красноармейцы напряженно смотрели на него, на Фурсова. Фурсов сказал:

– Правильное решение... Ребята, бежать рассредоточенно... А на валу, помните, кое-где сохранились окопы, отрытые еще польскими жолнерами. – И тоже махнул рукой: что, мол, тут объяснять.

Песочников побежал. Побежали, согнув спины, бойцы. То пригибаясь, то падая, хоронясь от частых разрывов мин и снарядов. Сноровистее многих бежал Фурсов.

Он видел перед собой ветвистую иву. Она ярко зеленела возле самого вала. Володя загадал: если добежит невредимым до ивы, все сложится хорошо – и для него, и для товарищей, и для всей Брестской крепости. И начал считать шаги: двадцать один... двадцать два... двадцать три. На пятьдесят восьмом он не услышал, а почувствовал всей кожей, всем своим нутром губительный полет снаряда. Ему предназначенного снаряда. И прибавил прыти. Свист нарастал. Но и спасительная ива приближалась, и Фурсов бежал изо всех сил, бежал навстречу губительному свисту, состязаясь в скорости с е м у предназначенным снарядом. Надо было, прежде, чем снаряд упадет на него, оказаться под ивой. Обязательно. Иначе, конец. Фурсов бежал, не чуя ног. Он знал: надо успеть проскочить то роковое место, где его бег и траектория е г о снаряда пересекутся в смертельном поединке. Для него – в смертельном. На этом роковом скрещении ему не сдобровать. Он сохранит свою жизнь и выиграет поединок, только достигнув ивы. И он, и его товарищи, и родная Брестская крепость.

Это было чудом: нетронутая огнем и металлом ива переливалась яркой зеленью в жарких лучах июньского воскресного утра. ("Да, сегодня воскресенье, часов десять, я сейчас пошел бы на почту и получил свою посылку"). Ива тянулась ему навстречу гибкими раскидистыми ветвями, звала, торопила под свою защиту. И он бежал, бежал...

Не добежал. Губительный свист е г о снаряда внезапно оборвался, и Фурсов замер, как вкопанный. Близкий разрыв

снес с ивы гордую, в тяжелых косах, вершину. Листва на срубленных ветвях сразу пожухла и почернела. Фурсов обомлел – от горя, что обезглавлена и почернела ива; от счастья, что снаряд не долетел до него. Он знал: стоит на том самом месте, где скрестились бы в смертельном поединке траектория е м у предназначенного снаряда и его бег. Но ива спасла его: она высоко запрокинула свою гордую вершину, снаряд задел за нее и прежде времени сработал, как говорят артиллеристы. Фурсов остался жить.

Ни тогда, ни много позже он так и не вспомнил, как долго оставался на месте, перед обезглавленной ивой. С ним произошло что-то странное. Он, то как бы вовсе освобождался от своего тела и не чувствовал ни жажды, ни боли, ни тяжести своих налитых усталостью мускулов, то вдруг жажда мучила его, а сознание повелительно заставляло действовать сообразно событиям. И он очутился на валу, где надо было продержаться до прихода подкрепления. Продержаться надо было еще и потому, что на почте его ждала посылка от матери, а в Витебске – окружные соревнования волейболистов; и еще потому, что предстояло наказать виновных справедливым наказанием за смерть лейтенанта Полторакова и красноармейца Аргамасова, за обезглавленную иву.

Эти мысли пришли к нему в тот момент, когда он увидел себя втиснутым старый осыпавшийся окопчик, отрытый еще польским жолнером. И невольно оглянулся, отыскивая взором иву. Обезглавленная, она ярче прежнего зеленела, как будто и не опалил ее мгновение назад огонь войны. Лишь тревожно подрагивали гибкие, раскидистые ветви, не то моля о чем-то, не то защищаясь от чего-то.

ТОВАРИЩИ, ОТСТОЯТЬ ВОКЗАЛ!

Дорога уходила на запад. Она была обсажена каштанами. Каштаны догорали. Молча. Стоя навтыяжку, будто солдаты в строю. Горели. Живые. В цвету. Знакомую дорогу было трудно узнать. Фурсову больно было смотреть туда, и он перевел взор на крепостной вал. Плясали разрывы. Полузасыпанные землей красноармейцы крепко сжимали винтовки. Фурсов узнал Ивана Арискина, Сашу Песочникова. Живые. Вздутая щека мешала смотреть, но он заметил и тех, кто вдруг замирал, но продолжал крепко сжимать винтовку со штыком. Таких, каменевших в неподвижности, становилось больше и больше, потому что крепостной вал вскипал разрывами. А он, Фурсов, как заклятый, оставался невредим, стряхивая

движением широких, покатых плеч падавшую на него землю, чтобы не оказаться заживо погребенным.

Шквал огня прекратился внезапно. И внезапно возле вала выросли вражеские автоматчики. Не какие-то расплывчатые серые фигурки, а лица, руки, глаза. В это трудно было поверить. Короткие, мышинного цвета мундиры, рукава до локтей. На рукавах какие-то нашивки, вроде черепа. Нечто похожее носили на своих рукавах черные гусары атамана Анненкова (об этом рассказывал Володе дед). Гарь и пепел рассеялись, и за спинами фашистов Фурсов увидел озерцо. Вода искрилась под лучами поднявшегося к зениту солнца. В ней мирно, не чуя беды, купались кувшинки, лилии. "Пить...Пить!" – рвалось из груди. Но еще повелительней сказал внутренний голос: "Пришел твой срок". И он поднялся, крикнул, и сам поразился зычности своего голоса:

– Братцы! Фашисты прут... В штыки!

Поднялась земля. Казалось, поднялся сам крепостной вал и, сорвавшись со своего места, ринулся на врага, выставив вперед колющий частокол винтовок с трехгранными штыками. Древний крепостной вал истошно кричал: "Ура-а!" и "Бей гадов!" Фашисты были оглушены этим криком. Их обужал страх. Они побежали.

Красноармейцы оказались на открытом всем снарядам и пулям месте. Фашистские минометчики по ним не стреляли: боялись убить своих. Фурсов не замечал этого. Опрокинув прикладом подвернувшегося под руку гитлеровца, он бросился к озерцу. "Пить...Пить!"

– Товарищи! Товарищи бойцы! – метнулся ему наперез властный и призывный голос. Такой голос мог принадлежать только старшему командиру, и он остановил Фурсова, заставил оглянуться. Со стороны горбатого моста бежал командир. Это можно было определить по широкому ремню с португеей.

Жажда прошла. "Теперь все пойдет, как надо", – воспрянул духом Владимир и махнул своим, чтобы бежали навстречу командиру. Командир был без левой руки, рана забинтована наспех; ворот гимнастерки разорван. ("И он, должно быть, побывал в рукопашной"). На уцелевшей петлице Фурсов разглядел один прямоугольник. ("Значит – капитан"). Капитан был без фуражки, опаленный близким разрывом. Глаза, казалось, обуглились, и он плохо видел.

– Товарищи бойцы, надо отстоять вокзал, –громко говорил капитан, и Фурсов подумал, что он громко говорит потому, что оглушен и не слышит: – Там эшелон с детишками,

с женщинами... Надо их вывезти... надо вывезти документы.
– Он повернулся и пошел к железной дороге.

Короткими перебежками, а где и ползком, по-пластунски. устремились за ним красноармейцы. Им предстояло проскочить через горбатый мост, чтобы оказаться по ту сторону канала. Но туда, заметил Фурсов, полезли очнувшиеся от испуга фашистские автоматчики. Начали обстреливать эту узкую полоску земли и вражеские артиллеристы.

Капитан вел красноармейцев к мосту среди разрывов, чуть пошатываясь, как хмельной. "Он не слышит ничего", – снова подумал Фурсов, восхищаясь бесстрашием капитана. Он был благодарен этому человеку – за себя, за всех. невесть откуда собравшихся здесь полсотни бойцов. Привязался к нему и беспокоился за его жизнь больше, чем за свою.

– Вперед! Ура-а-а! – закричал он, не слыша своего голоса, и побежал вперед, чтобы встать рядом с безруким капитаном и охранять, заслонять его собой от пуль, от осколков снарядов, мин, авиабомб.

– А-а-а! – подхватили красноармейцы, устремившись к мосту.

Они увлекли за собой капитана, во второй раз опрокинули наседавших врагов и проскочили через горловину. Фашистские минометчики обрушили на горстку смельчаков шквал огня. Капитан дернулся всем телом, но устоял на ногах. Прикрыв свежую рану уцелевшей рукой, крикнул сипло, раздельно:

– Берите вправо, через каштановую рощу проскочим!

И они прижимались, сливались, казалось, в одном с милой спасительной землей, ползли, бежали, падали. И снова бежали. К железной дороге. И добежали. Правда, не все. Владимир не видел Соколова, Ивана Арискина, не видел санинструктора Песочникова, но тревоги почему-то не испытывал. "Где-нибудь здесь", – решил он, потому что их было уже не пятьдесят, а человек семьдесят – восемьдесят. Новые горстки бойцов примыкали к ним и становились под начало капитана.

Вражеские минометчики потеряли их из виду. Обстрел прекратился. Капитан показал оборонительный рубеж и велел окапываться. Обуглившимися глазами он глядел на бойцов. и его взгляд выражал больше, чем благодарность. Откуда он черпал силы – с оторванной напрочь рукой и второй раз раненый осколком мины в грудь? "Он – командир, и не имеет права вести себя по-иному, – думал Владимир. – Я почти не знаю

тебя, товарищ капитан. Но где бы ты ни был, людям было с тобой хорошо и легко. Это я знаю наверняка!"

Капитан закашлялся, крепко прижимая правую руку к груди. Между пальцами проступила кровь. Фурсов нашупал подол нижней рубахи, оторвал по окружности ленту.

– Разрешите перевязать, товарищ капитан.

Капитан недоуменно посмотрел на него, на руку, выругался:

– А, черт... не запеклась еще!

У Фурсова во рту стало сухо. Он испугался, что задохнется от этой раскаленной добела сухости, и, схватив из-под ног ком земли, начал его жевать, чтобы вызвать слюну. Слюны не было, и, широко раскрыв рот, он выплюнул скрипевшую в зубах землю.

Капитан участливо глянул на него.

– Мужайся, друг! Мы еще сотворим добро и добудем славу и земле нашей, и себе.

КОГДА ВОЙНА ПАХНЕТ ДУХАМИ

Со стороны вокзала Брест-1 бежал какой-то командир. Поспешая за ним, два бойца катили на колесиках станковый пулемет. Командир был в новой, парадной гимнастерке ("Воскресенье же!"), перехваченной новым, со звездой, ремнем. На алых петлицах поблескивало по четыре полковничьих шпалы.

– В цепь... в цепь! – кричал он издали. – И окапываться... Без команды не стрелять!

"Уже окопались... и по кому стрелять?" – недоумевал Фурсов, однако привычно принялся углублять окоп. Он на себе испытал: окоп не просто яма. Окоп – крепость. Защитник и друг. Его уже спас от смерти окоп – там, на крепостном валу.

– Не стрелять! – почти над самым его ухом раздался строгий голос полковника, и Фурсов оторвался от работы и глянул туда, где были насыпь и тишина. Глянул и замер. Из-за железнодорожной насыпи волнами выкатывались фашистские автоматчики, шли прямо на них. Впереди шаггал офицер в нарядном мундире, в белых печатках. Солдаты первого ряда, уперев в животы железные приклады автоматов, непрерывно стреляли. Трескотни Фурсов не слышал. Он слушал команду полковника: "Без моей команды не стрелять!" – и все сильнее прижимал винтовку к плечу, обогревая указательным пальцем с пусковой крючок.

Враги ближе, ближе. Владимир рассмотрел на мундире офицера ромбовидные черные петлицы и на них какие-то знаки. Самый раз сразить его пулей – офицера в белых перчатках. Но – “не стрелять”. И он не стрелял. От напряжения звенело в голове, за левым ухом что-то щекотало. К тому же он внезапно ощутил противный, сладковатый запах духов. Фурсова начало мутить. От приступа рвоты спасла освобождающая волю команда – “огонь”!

Защелкали винтовочные выстрелы. Торопливые, бестолковые. Редко, прицельные.

Фурсов целился спокойно, плавно нажимал на спусковой крючок, при выстреле не закрывал глаза. Делал так, как учили командиры. И видел: тот, кого он брал на мушку, словно споткнувшись, падал. И не поднимался.

Первым упал офицер в белых перчатках. Упал не сразу. Он крутнулся на месте, на своих длинных, обутом в щегольские сапоги ногах, вскинул правую руку со стеклом, как бы призывая солдат перешагнуть через его труп и идти вперед, и, не сгибаясь, рухнул. Его место тотчас занял другой офицер. Не было, казалось, убитых и в первом ряду. Стоило кому-нибудь упасть, как его место занимал автоматчик из второго ряда, вскидывал автомат и начинал строчить. И строчил до тех пор, пока его не подрезала пуля. Все это походило на навязчивое, взвинчивало нервы, ослабляло волю.

Где-то невдалеке басовито застучал станковый пулемет, о котором Владимир забыл. Пулеметчики били в упор, со знанием дела. Первый и второй ряды наступавших автоматчиков упали. А задние ряды показали спину и побежали, укрывшись за насыпью. Но кто-то, невидимый красноармейцам, остановил их и снова погнал вперед. Фашистские автоматчики поползли с насыпи смешанными рядами и так медленно, как будто кто-то толкал их, а они упирались.

В который раз полковник повторил: “Без моей команды не стрелять!” Но его не услышали или сделали вид, что не услышали. Все стреляли, стреляли, стреляли! Ждать никто не хотел. Слишком долго ждали! Пальба открылась такая, что фашистские автоматчики, как бы ударившись сослепу о невидимую огненную стену, теряя убитых и раненых, укрывшись за спасительной насыпью. А красноармейцы все стреляли, стреляли...

– Прекратить огонь! – не своим голосом закричал полковник. – Безобразие! Он шел вдоль рубежа, тыкая наганом в сторону насыпи и стыдил: – Безобразие... там же никого нету. Патроны беречь надо!

У полковника было недовольное лицо и странно подра-

гивала на красной жилистой шее голова, но все чувствовали: полковник доволен. "Они чем-то походят друг на друга", – подумал Фурсов, имея в виду капитана и полковника. И спохватился: с тех пор, как начался бой, он не видел, не слышал капитана. Оторвался от земли, стал шарить глазами: "Где он? Где?" И вдруг увидел его позади своего окопа, распростертого в ложбинке. Владимир склонился над обожженным взрывом лицом, увидел угольно-черные глаза, странно блестящие неподвижным и чистым стеклянным блеском.

– Капитан умирает! – хотел крикнуть Фурсов и не смог: перехватило горло.

– А, ты, подсолнух, – внятно сказал капитан. – Рыжий... будешь в Москве...сходи на Сретенку...скажи...

Глаза капитана стали вовсе стеклянными, и, испугавшись чего-то, Фурсов заплакал.

ДЕЛАТЬ НАМ ЗДЕСЬ БОЛЬШЕ НЕЧЕГО

Автоматчики не возобновляли атак. Пропали, как не было их. Густо и устойчиво били минометы. Прильнув к стенкам окопов, бойцы отдыхали – кто как мог.

– Глядите! Глядите! – раздался чей-то крик.

Фурсов приподнялся. По изрытому минами полю бежала женщина. Пушистые русые волосы струились по ветру. Она крепко держала за руку мальчика лет пяти-шести в воскресном костюмчике. На мальчике не было бескозырки, где-то потерял, и его русые кудряшки подпрыгивали в такт шагам. "Сын", – подумал Владимир и крикнул той молодой, красивой женщине, может быть, жене какого-то комиссара, а может быть, капитана, который умирал где-то тут:

– Куда вы? Там фашисты...

– Назад!!!

– Назад!..– закричали, замахали винтовками красноармейцы.

Мальчик оглянулся. А женщина не оглянулась и еще шибче побежала, как сообразил Фурсов, к вокзалу. Но там, над вокзалом, кружили немецкие бомбардировщики. Там все громыхало, взрывалось, огненные вихри взлетали к солнцу. Очередная волна "юнкеров" задела их своим хищным крылом. Земля загудела, заходила ходуном, занялась пламенем. И Владимир потерял женщину из виду. "Ей хочется поспеть к поезду, на вокзал, чтобы вырваться из этого ада, и она ничего не замечает вокруг", – пожалел он ее и рассердился на

свое бессилие. Он лежал на дне окопчика, упрямо глядел в небо. Там появилась новая стая фашистских самолетов. Посыпались бомбы – косо, густо. Они упали где-то в стороне и, чтоб увидеть куда, Фурсов приподнялся. Бомбили железную дорогу. Как запущенные пращей, далеко разлетались разорванные на куски рельсы, шпалы, щебенка.

Перед Фурсовым, на бруствере, стоял, заслоняя солнце, полковник. Синие галифе и новенькая гимнастерка были густо запачканы глиной. Он смотрел, как бомбы разрушали железную дорогу, которую ему было приказано удерживать до тех пор, пока последний поезд с детьми и женщинами не уйдет на восток; смотрел, и от его чисто выбритого молодежьавого лица отливала кровь. Щеки ввалились и стали землисто-серыми, глаза потускнели. Таким его и запомнил Фурсов. “Юнкерсы”, сделав свое дело, ушли на запад. Полковник повернулся к лежавшим в окопах красноармейцам, глухо сказал:

– Делать нам здесь больше нечего.

Его поняли и красноармейцы, и Фурсов, но остались лежать в окопах.

– Встать! – приказал полковник. – Будем их бить.

Встали все. Не поднялся капитан. Не очнулся, как ни старался Фурсов привести его в сознание. Он бережно приподнял капитана и понес на руках. Полковник ничего не сказал, и это обидело Фурсова: “Что им капитан? А для меня за эти несколько часов он стал роднее отца. И я все сделаю, чтобы капитан жил”. Что капитан родом из Москвы, со Сретенки, Владимир знал, но ему надо было узнать больше. Ему и в голову не приходило, что капитан мертв и его придется через минуту похоронить. Он нес, не чувствуя тяжести, не испытывая беспокойства за его судьбу. Все почему-то спешили, и вскоре он остался далеко позади, со своей ношей, со своими мыслями.

Он пересек разбомбленную железную дорогу и внизу, под насыпью, увидел и полковника, и красноармейцев. И еще он увидел разбитый телеграфный столб, жгуты проволоки с разбитыми изоляционными стаканами. Он спустился с насыпи и увидел клочки детской матроски. Поодаль лежала русоволосая женщина. “Она торопилась на вокзал, к поезду, чтобы эвакуироваться”, – подумал Владимир, бессознательно прижимая к груди капитана.

Полковник велел похоронить женщину и то, что осталось от ее сына, и капитана с обуглившимися глазами, в одной могиле. Под молодым дубком, что поднялся к солнцу у развилки проселочных дорог.

Когда все было кончено, Фурсов почувствовал, как он одинок! Тоскливым взглядом обвел он лица бойцов в надежде встретить знакомое. И увидел своих минбатарейцев: Ивана Виноградова, Митю Колина, Федора Гвоздева. "Нам надо быть вместе, так будет легче", – позвал их глазами Фурсов. "Само собой- легче", – кивнул ему Митя Копин и еще крепче оперся на винтовку.

ПРЕДСТАВЛЯЮ ВАС К МЕДАЛИ " ЗА ОТВАГУ"

Куда б они ни пошли, куда бы ни сунулись, – по ним стреляли, их били, топтали, окружали, и надо было, сцепив зубы, пробиваться, пробиваться и пробиваться. Порой Фурсову казалось, что они движутся по тысячеверстному замкнутому кругу. Но это только казалось. И хотя они утратили человеческий вид, в каждом из них жил, действовал, боролся человек. Они верили... нет, они знали: вот-вот *н а ш и* придут к ним, попавшим в беду, и вместе они сметут, растопчут, изничтожат фашистов, и все станет, как было. Это вера бросала их в контратаки, помогала прорывать огненное кольцо, придавала силы мириться с потерями. Порой Владимиру чудилось, что те, кто убит и ранен, когда все кончится, воскреснут и излечатся от ран, и все станет, как было.

Полковник поднимал их то в контратаки, то на приступ очередного вражеского рубежа, и они спешили за ним, чтобы не оказаться в ловушке. В ложбине, заросшей лозняком, натолкнулись на генерала с горсткой красноармейцев. Полковник окликнул его: "Генерал Золотухин, генерал Золотухин!" Не обратился по форме: "товарищ генерал", и Фурсов догадался, как трудно полковнику. А сам обрадовался: генералы все знают, генералы все могут. Теперь, если и не наступит конец войне, то конец неразберихе придет.

Генерал Золотухин торжественно, как если бы говорил с трибуны в праздник Октября, провозгласил:

– Товарищи, единственная артерия, которая еще связывает нас с Родиной, шоссе Варшава – Минск! Не допустим, чтобы враг перерезал шоссе!

Они пошли за генералом – к шоссе. Возле деревни Ревица они увидели два наших танка. Их горячие, отливавшие зеленую, бока были облеплены бойцами, хотевшими поскорее вырваться из огненного кольца. Побегал к танку и Соколов. Владимир силой удержал его.

– Забыл, как искромсали тех, кто хотел выскочить из кре-

пости вместе с Карболиным на его зенитной установке?

Танки шли прямо по ржаному полю – к шоссе. Бойцы тянулись за ними по рубчатым следам. Это напомнило знакомую картину боевых учений. Два бойца несли станину от разбитого пулемета – должно быть, те, которые отбивали психическую атаку из своего “максима”. Мелькнуло и пропало знакомое лицо полкового врача. “А генерал где?” – спросил себя Фурсов и огляделся. Генерала не было. Владимир не встревожился: с ними был полковник. И два танка. Танки ушли далеко вперед и вот-вот выберутся на шоссе. По ним не стреляют – значит, путь свободен. Это сказал шагавший рядом Никита Соколов и пожаловался другу, что в суматохе потерял махорку. Фурсов не отозвался. Его внимание привлекла стайка мальчишек и девчонок из ремесленного училища. Шумно переговариваясь, они появились невесть откуда на меже и в своей форме издали напомнили бойцов...

Немецкая пушка ударила внезапно. Она стояла где-то во ржи, рядом, и ее выстрелы оглушали. Пушка ударила раз и два, и три – по переднему танку. Кого-то из облепивших его бойцов ранило, кого-то убило, а танк задымился и, клюнув носом, остановился. Другой танк повернул в сторону, но и его настигли меткие выстрелы немецкого пушкаря. Счастье, что красноармейцы успели рассыпаться по ржи, как вспугнутые перепела.

На меже остались мальчишки и девчонки из ремесленного. Они остановились не то от страха, не то из любопытства, едва ли сознавая трагичность своего положения. Фурсов подполз к ним и поразился: фабзайчата ели воблу.

– Ложись!

Его испугались и не легли, а разбежались. И тотчас, будто это послужило сигналом, немецкая пушка открыла по ним огонь.

– Сержант... товарищ сержант, – услышал он голос полковника и догадался: его зовут. И откликнулся. – Возьмите двух-трех бойцов и заткните глотку этой пушке.

– Есть! – механически отозвался он и позвал с собой Митю Копина и Дейнеку. Они ползли к пушке, ориентируясь по звуку.

От несозревшей ржи исходило парное, удушливое тепло и ползти было трудно. Но там, где были фабзайчата, слышались разрывы и стоны – это подстегивало. Митя Копин первым заметил вражескую пушку.

– Вижу! – шепнул он.

– Видишь, так прихлопни гада.

Сквозь сетку колосьев Копин поймал на мушку заряжаю-